

Каменная дева — дева истинная.

В день смерти древних мудрецов простой народ плакал и причитал, словно хороня собственных родителей; когда же ушел из жизни этот мудрец, скорбь превзошла даже ту.

9 сентября 1976 года наш великий учитель, великий вождь, великий главнокомандующий и великий рулевой трагически скончался, и едва весть об этом разнеслась по стране, вся она погрузилась в траур. Черное солнце и Красное солнце пересеклись всего на шесть лет, но никто из них не знал о существовании друг друга. Когда пришла скорбная весть, Черное солнце с любопытством наблюдал за великими переменами, происходившими в деревне. Старухи со ссуженными с детства ногами бросались на венки из сосновых ветвей, хлопая в ладоши и топая ногами, словно капризные дети, и голосили, раздирая душу; седовласые старики заливались горькими слезами; суровые и твердые духом работники тайком утирали глаза, женщины выли в голос, а дети, уже способные всё понимать, плакали вместе со всеми. Эта сцена стала первым кадром в летописи Черного солнца, навсегда впечатавшись в его память. Он наконец узнал о Великом кормчем, но Великому кормчему так и не суждено было узнать о нем. Детская душа смутно ощущала: человек может прожить жизнь так, что его рождение вызывает радость Поднебесной, а смерть — вселенскую скорбь. Прожить жизнь подобным образом — значит не посрамить звание настоящего мужчины, пришедшего в этот мир!

В том же году из гор Фанлин переселилась одна семья: главу звали Тун Чжунлу, его жену — Ма Ланьхуа, а их ребенка — Тун Тефо, ровесника Черного солнца. С ними прибыл и необычный человек — Тун Чжэнь, младшая сестра Чжунлу. Они хотели обосноваться в Люгоу при условии, что в этой деревне для Тун Чжэнь найдут мужа.

Оставим пока остальных и расскажем о самой Тун Чжэнь. Было ей ровно восемнадцать лет, ростом она была высока и стройна, а от всего ее существа исходили магнетизм и очарование, свойственные юной красавице, но проявленные с особой силой. Одно ее лицо чего стоило: словно очищенное вареное яйцо, покотившееся по коробке с пудрой, а затем побывавшее среди утренних цветов гардении, с лепестков которых на него упали капли душистой росы. До того она была свежа и прелестна, так белокожа, округла и хороша собой. Всякий, кто видел ее воочию, находил ее красоту еще более поразительной, ибо описать ее было невозможно — лишь два слова «абсолютная красота» могли передать ее суть с наибольшей точностью.

На ней не было вычурных нарядов, лишь простое и чистое деревенское платье, которое лишь подчеркивало ее природное величие. Это было подобно прекрасной от природы песне, которая звучит великолепно и без аккомпанемента музыкальных инструментов, не нуждаясь ни в каких украшениях. Древние описывали красоту и чистоту женщин словами прекрасна, как персики и сливы, холодна, как лед и иней — именно такое впечатление и производила Тун Чжэнь.

Староста Юэ Сюэшу охотно согласился на их просьбу и тут же сосватал Тун Чжэнь Хэ Ганве. Ганва немедленно увел Тун Чжэнь к себе домой. Они прожили вместе в одной комнате около месяца тихо и мирно.

В один из дней Ганва с унылым лицом спросил сидевшую за стеной матушку Вань:

— Что сделать, чтобы сойтись с новой женой?

Матушка Вань ответила:

— Раз она переступила порог твоего дома, значит, она твоя. Делай что хочешь, законом не возбраняется. Как говорится в народе: гвозди требуют ласки, а девственницы — натиска. Мы люди бывалые, не стесняйся нас, если услышишь шум.

В тот же вечер Тун Чжэнь заметила, что Ганва утратил всю свою застенчивость: при свете масляной лампы его глаза горели волчьим блеском. Шаг за шагом он приближался к ней, прижавшейся к изголовью кровати. Тун Чжэнь инстинктивно обхватила себя руками, защищая грудь, и в ужасе бросилась в угол, где присела на корточки. Ганва бросился на нее хищным тигром и схватил сзади за пояс. Тун Чжэнь замахала руками и засучила ногами, словно небесный скачущий конь, да так яростно, что одна из ее вышитых туфельек перелетела через забор и угодила прямо на коленки матушке Вань, а вторая шмякнулась на нос Вань Цзиню. Град ударов забарабанил по голове Ганвы, но он не обращал на них внимания, лишь втянул голову в плечи и, не считаясь с побоями, попытался взять ее силой прямо на постели. Однако матерчатый пояс Тун Чжэнь был завязан намертво, и как Ганва ни старался, развязать его не мог. После долгих бесплодных попыток его настойчивость иссякла, а чувство унижения пересилило вожделение, и он уныло отступил. Теперь настал его черед забиться в угол, обхватив голову руками и тяжело вздыхая.

Три вечера подряд в комнате Ганвы было шумно, как при обучении строптивного быка упряжке: стоял такой галдеж, что хоть из дому беги, кровать ходила ходуном, а стол переворачивался. Ганва был исцарапан и искусан с ног до головы, но так ничего и не добился. На четвертый день он сам пошел к старосте и потребовал расторгнуть помолвку. Сидевший рядом со старостой Гоу Пи заявил:

— Если он не хочет, я заберу ее себе.

Гоу Пи был самым дерзким и отчаянным среди парней молодого поколения. Староста ответил:

— По рукам.

Гоу Пи жил в пустующем коровнике, в задней стене которого зияла большая дыра, некогда служившая для выгребания навоза. Сзади к коровнику примыкал густой и зеленый рощицей сосновый лес.

В этот день Гоу Пи привел Тун Чжэнь домой и был готов хоть сейчас пнком заставить солнце закатиться за горизонт. Глаза его пылали, он беспрестанно потирал ладони и ходил из угла в угол, мечась, как муравей на раскаленной сковороде. Тун Чжэнь сидела в углу, сжавшись в комок и дрожа от страха.

Когда наконец совсем стемнело, староста на цыпочках подкрался к большой дыре в стене и припал к ней, желая посмотреть на мастерство Гоу Пи. До его слуха донеслись слова Гоу Пи:

— Ты сначала займешь четыре унции хлопка да попробуй попрясть, а нет такого скота, которого я не смог бы приручить!

Тун Чжэнь подумала про себя: Посмотрим, кто здесь еще скотина.

Гоу Пи продолжал:

— Того свирепого бугая в нашей бригаде я еще на днях водил за нос и лупил так, что сломал пять кнутов, вытоптал пол-акра кукурузы, а в конце концов и вовсе разорвал ему ноздри, и они теперь болтаются, как у слона. Стоит ему теперь увидеть меня с кнутом, как он опускает голову, косит глазом и послушно прет вперед; даже если я иду с пустыми руками, стоит мне лишь взмахнуть ими, как он с испугу бечит пахать землю, вздымая пласты земли, как волны.

Староста мысленно кивнул: всё так и было, он сам это видел.

Речи Гоу Пи довели Тун Чжэнь до слез, полившихся градом. Она робко произнесла:

— Пощади меня, у нас все равно ничего не выйдет.

Гоу Пи ехидно ухмыльнулся:

— Откуда тебе знать, выйдет или нет? К тому же разве видано, чтобы перед лицом царя мертвых отпускали призраков обратно?

— Если говорить на чистоту, на родине я уже сходилась с несколькими мужчинами, но именно потому, что жить с ними было нельзя, моим брату и невестке стало стыдно показываться людям на глаза, и они переехали сюда. Они-то сами не знают о моей особенности и все еще надеются испытать удачу.

— Что с тобой не так? Ты — красавица, рожденная от лисицы, и обычные мужики тебе не по вкусу, верно? Как удачно, что я переродившийся демон-осел, уж я-то тебе точно угожу...

Староста увидел, как Гоу Пи в два счета бросился к Тун Чжэнь, ухватил ее за волосы, потащил за собой и повалил на ветхую кровать. Тун Чжэнь отчаянно подожала ноги, свернувшись калачиком, как мертвая креветка. Гоу Пи опустил ее на колени у края кровати, пытаясь развязать тот злополучный узел. Тун Чжэнь нанесла удар ногой — точно и прямо в самое уязвимое место. Гоу Пи издал вопль: Ой мамочка! — и завалился назад, словно рухнувшая стена, закатил глаза и лишился чувств. Тун Чжэнь безумно бросилась к двери и изо всех сил дернула за ручку, но та была хитроумно заперта и не поддавалась. Дверные кольца загремели от ее усилий, она просунула руку наружу и нащупала засов — дверь снаружи заперли на замок.

Оглянувшись, она заметила ту самую большую дыру, бросилась к ней и рыбкой выпрыгнула наружу. Староста не успел увернуться — ему оставалось лишь втянуть голову в плечи, зажмуриться и притвориться кучей коровьего навоза. Тун Чжэнь наступила ему на шею, даже не заметив этого, и стрелой умчалась в лес.

Староста поспешно залез обратно в комнату, начал колотить себя в грудь и хлопать по спине, принялся массировать точку жэнь-чжун под носом, и лишь после долгих стараний блуждающая душа Гоу Пи вернулась в тело. Он смутно пришел в себя, чувствуя себя так, словно побывал в кошмарном сне, и от этого ему стало еще тошнотворнее. Староста смотрел в его остекленевшие глаза, желая рассмеяться, но не смел. Гоу Пи и сам чувствовал себя неловко перед ним, поэтому притворился спящим, опуская веки всё плотнее и плотнее. Староста уложил его на кровать, вылез через дыру для навоза и отправился разносить последние новости.

На следующий день Тун Чжэнь притаилась на горном склоне, высунув наружу только голову, подзывая брата и невестку уходить вместе с ней. Стоило Гоу Пи попытаться поймать ее, как она шмыгала в кусты, словно испуганный кролик, и исчезала.

Так она манила их три дня, и брат с невесткой тоже поняли, что оставаться здесь больше нет смысла, собрали свои нехитрые пожитки в узлы и покинули Люгоу.

Что же касается Рао Фунфу из Ляньхуаяня, то он чудом остался жив и был здоров как буйвол, но жениться до сих пор так и не смог. В сезон полевых работ он промышлял тем, что носил корабейнический лоток и ходил по деревням вразнос. Возвращаясь домой глубокой ночью, он путь его лежал через Гуйгуангу, где он заметил ночующих у дороги людей. Он остановился, заговорил с ними и узнал, что они оказались в безвыходном положении, не зная, куда податься. Тогда Рао Фунфу прямо сказал Чжунлу:

— Отдай мне свою сестру! Поселитесь у меня!

Семья Чжунлу и не смела мечтать о лучшем, а потому сразу же последовала за ним.

Фунфу был человеком просвещенным: едва услышав о проблеме Тун Чжэнь, он сразу догадался, что она относится к числу так называемых каменных дев, и что всё решится простой операцией. Разве операция — это сложно? Был у него на примете один божественный лекарь — его спаситель Гоу Най. Фунфу шел впереди с коромыслом на плечах и бормотал на ходу:

— Тот человек даже рак умеет лечить, а разрезать пути каменной деве — раз плюнуть.

Так в итоге и вышло.

Семья Тун обосновалась у Фунфу, и на следующее утро Фунфу привел Тун Чжэнь к доктору Гоу.

Едва завидев Тун Чжэнь, Гоу Най уставился на нее своими мышиными глазками так, что их едва хватало: под ее одеждой угадывались две трепещущие нефритовые крольчихи, и если приглядеться, сквозь ткань можно было разглядеть даже то, как эти две прелести вздымаются и опадают при дыхании; нежная и белоснежная кожа казалась натянутой до предела, словно скрытая в ней юная плоть рвалась наружу без всякого нажима, готовая в любую секунду выплеснуться самопроизвольно.

Ах, какой же сорванный цветок ждет своей участи, — подумал про себя Гоу Най.

Услышав же, что Тун Чжэнь является девственницей в самом буквальном смысле, этот негодяй тут же замыслил недоброе. На расспросы простодушного и искреннего Фунфу он отвечал уклончиво и невнятно — его мысли были уже далеко. Он велел Фунфу подождать за дверью, а сам завел Тун Чжэнь во внутренние покои для проведения операции.

В народе таких девушек, как Тун Чжэнь, называют каменными девами, уподобляя женщин с таким недугом холодному камню, лишенному всякого влечения — они избегают мужчин, чтобы реже сталкиваться с необходимостью обнаруживать свою странную болезнь. Впрочем, недуг этот был не столь уж тяжелым: просто девственная плева и губы были слишком плотными и закрывали вход во влагалище. Однако из-за невозможности долгое время сблизиться с противоположным полом у таких женщин нередко развивались серьезные психологические и ментальные расстройства.

Операция Тун Чжэнь заняла все утро и прошла на редкость успешно, но в процессе доктор Гоу Най воспользовался моментом, проявив инициативу. Столкнувшись с ласками этого волка в овечьей шкуре в белом халате, спавшее восемь лет девичье естество Тун Чжэнь пробудилось само собой. Дремавшее в сердце девственницы желание взошло на небосвод раскаленным солнцем, опалив ее тело докрасна; температура поднялась до точки самовозгорания, а унаследованные от предков первобытные инстинкты и импульсы не позволяли ей ни остановиться, ни высказать смущение — ей оставалось лишь закрыть глаза и притвориться спящей, отдавшись на волю Гоу Най, который крутил и вертел ею как хотел. В конце концов, красота уже принадлежала ее телу, а сладость — сердцу, и она твердо решила ни за что не говорить об этом Фунфу.

С тех пор, стоило Тун Чжэнь захворать хоть капельку, она неизменно отправлялась за помощью к Гоу Наю.

Как говорится, вор и без допроса на третий год сам сознается. В праздничные дни, опрокинув лишнюю чашку вина за праздничным столом, Гоу Най неизменно начинал хвастаться:

— Я ведь спас жизнь Рао Фунфу, да и операцию его жене провел с ювелирной точностью. Тун Чжэнь разительно отличается от прочих женщин, она поистине уникальна — в древних книгах таких женщин называют драгоценными сосудами. Если заглянуть в историю всех времен и народов, то лишь один лидер повстанцев конца династии Юань по имени Чжан Шичэн владел такой женщиной: каждое соитие у него неизменно завершалось кровью, а каждое наслаждение дарило ощущение первой брачной ночи! Мне посчастливилось испытать предел земной красоты своими руками, и я прожил жизнь мужчины не зря!

Говоривший не ведал, что творит, но слушавший мотал на ус. Сидевший за тем же столом Гоу Пи ловил каждое слово, и от услышанного внутри него забурлило, словно капли холодной воды упали в кипящее масло; кишки его скрутило от жгучего раскаяния, он колотил себя под столом по бедрам, проклиная собственную оплошность, из-за которой столь редкое сокровище ускользнуло из его рук прямо у него на постели.

Бойся не столько вора, сколько того, кто положил на твое имущество глаз. Терзаемый раскаянием, этот парень крепко зарубил себе на нову услышанное, и никто не знал, на какие безумства его это толкнет в будущем.

<http://bllate.org/book/22008/2287958>